

Наконец дедушка Лю сдался и согласился на следующий день помочь с регистрацией, пообещав поговорить с директором школы.

День начала занятий в начальной школе Чаннин выпал на пятницу, а у Гу Яо занятия должны были начаться только в следующий понедельник, так что у него было время вместе с дедушкой Лю сопроводить Лю Сычэня на регистрацию в школу.

Мысли Лю Сычэня были просты: он остался учиться в деревне Люцзя, чтобы быть рядом с дедушкой, не желая оставлять его одного. Но теперь, с рождением младшего брата, всё изменилось. После его отъезда брат сможет остаться с дедушкой. Хотя брат пока ещё мал, через несколько лет воспитания из него обязательно получится послушный и милый ребёнок!

Тогда брат заменит его в деревне, а он сам отправится учиться в среднюю школу в уезд Вэйчэн, возвращаясь по выходным. Таким образом, все трое по-прежнему будут вместе. Как же здорово, что брат появился, помогая ему поскорее выбраться из «мук» начальной школы.

После оплаты обучения дедушка Лю отправился на чаепитие с директором школы. Дедушка пользовался уважением в окрестностях деревни Люцзя не только как опытный врач, но и потому что в его семье было два студента университета и один лучший выпускник средней школы. Директор начальной школы Чаннин принял его с большим почтением.

Тем временем Лю Сычэнь и Гу Яо остались снаружи, болтая с Черной Обезьяной и другими. Когда Лю Сычэнь рассказывал о шуме и суете в универмаге провинциального центра, к ним подкрался Лю Чанфэй.

— Эй, предатель! — крикнул Лю Чанфэй, видя, что на него не обращают внимания.

— Ты кого это называешь?! — Лю Сычэнь тут же вскочил, готовый броситься на Лю Чанфэя, но Гу Яо крепко его удержал.

Лю Чанфэй отступил на два шага, затем плюнул в сторону Лю Сычэня и Гу Яо.

— Ваш дом прислал письмо. Моя мама сказала, что твой отец от тебя отказался, и ты останешься в нашей деревне навсегда, деревенщина!

На руках Гу Яо выступили вены, но он продолжал крепко держать Лю Сычэня, не двигаясь с места. Лю Чанфэй, казалось, разошелся ещё больше:

— Моя мама сказала, что даже если ты хорошо учишься, это ничего не изменит. У Лю Сычэня теперь есть брат, и они не смогут оплатить твоё обучение в университете. Твоя судьба — быть деревенщиной! Твоя мачеха в письме написала, что лучше бы ты никогда не возвращался в Пекин! Ха!

Лю Сычэнь и Гу Яо не стали отвечать, но Черная Обезьяна подошёл и пнул Лю Чанфэя, глядя на него с ненавистью.

— А ты что, не деревенщина? Твои родители не деревенщины? Ты сам не деревенщина? К тому же, кто сказал, что Лю Сычэнь не сможет отправить Гу Яо в университет? Ты тут вообще не в теме. Если ещё раз ляпнешь что-то подобное, я тебя прибью.

— Верно, Лю Чанфэй, ты что, заразился болтливостью от матери? Скорее иди к дедушке Лю, пусть тебя вылечит, — добавила А-Хуа, поддерживая Черную Обезьяну.

Лю Чанфэй плюнул в их сторону и, боясь получить ещё, поспешил убежать.

— Брат... — Лю Сычэнь успокоился и взял за руку Гу Яо, чувствуя, как тот волнуется.

Гу Яо глубоко вздохнул и поблагодарил Черную Обезьяну и А-Хуа. Они провели с Гу Яо и Лю Чансином всё лето, и их отношение к обычно угрюмому юноше изменилось. Хотя они и не восхищались им так, как Лю Чанлинь, но были готовы его поддержать.

— Эх, ничего страшного... Просто... Гу Яо, не обращай внимания, этот парень просто дурак, — смущённо почесал затылок Черная Обезьяна, его лицо слегка покраснело.

— Я знаю, — спокойно ответил Гу Яо на заботу детей. С тех пор как он переехал из дома Лю Чанфэя, Чжао Чуньхуа распускала слухи, что его выгнали из семьи за драки. Он никогда не оправдывался, честно говоря, ему даже не хотелось иметь с ней дело.

Он всегда думал, что ему всё равно на ту семью, на то, что они делают или говорят. Но только что, услышав слова этого мальчишки, он не смог сдержать себя. В сердце словно воткнулась длинная игла, боль была глубокой и долгой, сопровождаемая гневом, который, казалось, вот-вот сожжёт его. Это сделало его прежнее безразличие таким бледным и смешным.

— Я в порядке, — Гу Яо приподнял ребёнка и на мгновение прижал лицо к его нежной шее, затем быстро поднял голову и, слегка фыркнув, посмотрел на него с укором. — Не смотри на меня так.

Лю Сычэнь потянулся, чтобы почесать его волосы, с ухмылкой на лице.

— Бедняжка, пошли домой, я тебя пожалею.

Гу Яо рассмеялся, видя, как на его милом личике пытается изобразиться похабная улыбка.

— Маленький негодяй.

— Хе-хе, Гу Яо, не переживай, мы сможем оплатить твоё обучение в университете. Эти деньги — мелочи, — Лю Сычэнь похлопал себя по груди, поддразнивая его. — Если ты будешь хорошо служить мне, я позабочусь, чтобы ты жил в роскоши. Я буду есть хот-пот, а ты получишь хоть немного бульона!

Гу Яо с недовольным видом ткнул его в лоб.

— Нет уж, я лучше буду есть рис с соевым соусом.

— Ну уж нет, дедушка скажет, что я тебя обижаю, — Лю Сычэнь двумя ручками обхватил лицо Гу Яо, смеясь. — Не грусти, я с тобой.

Гу Яо наконец сосредоточил взгляд на больших влажных глазах ребёнка, видя, как длинные ресницы, покрытые золотистыми лучами солнца, слегка трепещут. Его сердце внезапно смягчилось, и последние остатки гнева постепенно ушли.

Юноша смотрел на своего малыша, и в ярком свете ранней осени они медленно приблизились друг к другу, коснувшись лбами, а затем, отстрелившись, обменялись улыбками, которые, казалось, могли победить любую тьму.

Дедушка Лю в конце концов уступил желанию Лю Сычэня, и в первый день занятий ребёнок, с радостью неся рюкзак, побежал за Черной Обезьяной и А-Хуа в средний класс. Средний класс

начальной школы Чаннин состоял из третьего и четвёртого годов обучения, и почти все дети в классе были на голову выше Лю Сычэня, который стал самым маленьким в классе.

Однако это не испортило настроения Лю Сычэня. Он с радостью сел за первую парту перед учительским столом, ответил на два вопроса и получил похвалу. Под аплодисменты всего класса он был назначен старостой по математике.

На третью неделю после начала занятий, воспользовавшись тем, что дедушка Лю собирался отвезти яйца, овощи и фрукты маме Лю и папе Лю, Лю Сычэнь и Гу Яо настояли на том, чтобы поехать вместе. Они спешили в магазин Ли Цэня, и Лю Сычэнь даже заранее попросил у дедушки Чэня неделю отпуска, чтобы освободить время.

Накануне отъезда Гу Яо зашёл в спальню и достал свои сокровища — вещи, оставшиеся от матери, и несколько документов на недвижимость.

— Кроме фотографии мамы, всё это я отдаю тебе, — Гу Яо протянул вещи Лю Сычэню. — Ты подарил мне «камень», а это моя благодарность. Если в будущем дома действительно станут дороже...

— Хорошо! — Лю Сычэнь, прищурившись, крепко обнял вещи, прерывая его. — Независимо от их стоимости, я их принимаю.

На спокойном лице Гу Яо появилась лёгкая улыбка. Он погладил голову ребёнка и сказал:

— Мне действительно нужны деньги от «камня».

В его голосе звучала лёгкая грусть и горечь.

— Мой дедушка по материнской линии был бизнесменом, но бабушка происходила из семьи учёных. Когда она выходила замуж, то привезла с собой множество картин и каллиграфических работ, включая произведения мастера Ци.

Гу Яо усадил ребёнка на кровать, и в лучах закатного солнца, проникающего через окно, в комнате, наполненной лёгким ароматом лекарственных трав, он начал рассказывать о своих семейных делах.

— Когда моя мама выходила замуж в семью Гу, бабушка разделила эти картины и каллиграфию на две части: одну оставила для дяди, а другую отдала маме. Перед смертью мама попросила дядю хранить эти вещи до моего совершеннолетия. Но потом семья Гу всё откладывала и отказывалась отдать их, пока дядя не поссорился с отцом. Тогда мы узнали, что отец тайно продал эти вещи в последние дни жизни мамы.

Гу Яо стиснул зубы, его лицо стало серым, а кулаки дрожали. Лю Сычэнь мягко похлопал его по руке.